

Выигрывает тот,
кто относится к игре
серьезно, кто забывает
или не понимает,
что это всего лишь
игра. Страница 4

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ

Игра в игру

Роман

Анатолий Николаевич Андреев

Игра в игру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3459655

Минск; 2005

Аннотация

Восьмой по счету роман продолжает и по-своему завершает «минский цикл». Вновь действие происходит в Минске, вновь главный герой – писатель (драматург), с необычным именем Геракл.

Сюжет первого плана связан с весьма запутанными отношениями Геракла с женщинами. В качестве сюжета второго плана использованы некоторые мифы о Геракле; античные ассоциации поддерживают дух игры, пронизывающий роман. Внутренний, смысловой сюжет романа связан с личностью Геракла. Герой – современный вариант лишнего человека: умный, душевно тонкий, талантливый, одинокий, сильный.

Главный мотив романа – жизнь трудно отличить от игры. В то же время «игра в игру» – это уже не игра. Парадоксальная игровая природа жизни, женщины, природы, искусства – в центре внимания героя.

Роман намеренно перекликается с предыдущими семью романами, образуя единое смысловое, духовное и стилевое пространство. Вместе с тем он читается как отдельное самостоятельное произведение.

Содержание

Глава 1. Игра началась	4
Глава 2. Женщина, которая любила ночь	12
Глава 3. На берегу земли обетованной	17
Глава 4. Ваше Сиятельство	31
Глава 5. Елена	36
Глава 6. Кабинет	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анатолий Андреев

Игра в игру

Роман

Cuius potest accidere, quod cuiquam potest.

*С каждым может случиться то, что случается
с кем-нибудь.*

В жизни может быть только одно счастье.

*Народная мудрость, возможно, еще не
сформулированная самим народом.*

Глава 1. Игра началась

Моей любимой игрой в детстве были солдатики.

Я с упоением расставлял увесистые фигурки, определял себе место во главе оловянного войска и начинал бесконечные сражения, в которых всегда побеждали «наши» или «хорошие», даже если «наши» выбывали из строя раньше, чем «враги». По правилам игры, я, то есть Главный, мог быть только ранен; я не был заговорен или огражден от смерти колдовскими чарами (игры моего детства были в этом отношении бесхитростными, потусторонняя мистическая нечисть была не в чести), но пуля меня отчего-то не брала, а раны заживали радостно и в мгновение ока. По-мое-

му, «плохие» или «враги» ни разу так и не одолели «наших». У «плохих», олицетворявших злое начало мира (неизвестно откуда взявшееся, но несомненно притаившееся где-то рядом), не было никаких шансов. Главным побудительным мотивом «плохих» было их неодолимое стремление учинить гнусные козни; хлебом не корми – дай сотворить пакость. «Хорошие», соответственно, всегда были начеку, к великой досаде «плохих», что, впрочем, никак не влияло на решимость последних. Судьбы мира решались на ветхом грязно-зеленом коврикe моей комнаты помногу раз в день.

Так у меня, как и у большинства мальчишек, вырабатывалась психология победителя, отягощенная склонностью к добру (ибо «хорошие», понятно, всегда сражались за правое дело и получали при этом ужасные раны – но, опять же, никогда не смертельные: таково было неписаное правило игры: наши – бессмертны). «Плохие» лезли снова и снова (откуда только они брались!), состав «наших» был неизменен (рядовые бойцы, правда, восстанавливались значительно медленнее Главного). Интересно происхождение и этого правила игры: зла было неизмеримо больше в количественном отношении, ресурсы его были неистощимы, но ярость и искусность добра всегда обеспечивали победу, хотя и утомляли великодушных победителей. Победа, почему-то, всегда давалась дорогой ценой: иначе играть было неинтересно. В детских играх много любопытного для взрослых...

Гнусные козни врагов, совершенно не предсказуемые для

«наших» («их» стратегию с блеском тоже разрабатывал я, разумеется, ощущая некоторый даже страх за «наших»: враг был зело коварен), всегда разбивались о мужественные принципы «хороших». Такой миропорядок меня вполне устраивал лет до десяти, пока я не заболел шахматами.

Коврик стал мне тесен. Поле битвы сузилось до шестидесяти четырех банальных клеток – и обрело при этом глубину и новое измерение. Облезлых и повидавших всякое неустрашимых солдатиков (их легкую тяжесть в моей пухлой ладошке я ощущал как прикосновение родственной души) заменили неустойчиво легкие пешки, тяжелые громоздкие слоны и солидные офицеры, «хорошие» и «плохие» стали безликими «черными» и «белыми», легко меняясь местами. Добро и зло ушло из игры, главным и решающим стало искусство просчитывать и комбинировать. Условный противник уже не грозил увечьями и порабощением, но искусство побеждать никто не отменял. При этом я, Главный, разумеется, верховодил «нашими». Без «наших» и хотя бы «чужих» игры не получалось.

Шахматы считаются искусством; это большое недоразумение. Набор резных фигурок, точнее, набор функций и правил, обладающих неким логическим потенциалом, из которого сплетается прочный, похожий на сеть, комбинационный узор, – это слабый аналог жизни. Шахматы – всего лишь игра интеллекта, не отягощенная ни этическими, ни эстетическими соображениями. Плохой человек и одновременно

большой дурак вполне может быть великим шахматистом и рассчитывать на внимание миллионов поклонников. В играх в солдатиков больше искусства, нежели в шахматах. С игрой все не так просто...

С моим соседом Мишкой по фамилии Коричнев (которому я, разумеется, тут же вклеил кличку Коричневая Чума; позже я сменил гнев на милость, и он стал Чумкой, потом Корешем, затем настала очередь Михайлы, которого грех было не преобразовать в Хайло, Хайло-Майло, и пошло-поехало; что касается моей особы, то ко мне, почему-то, клички не липли; может быть, потому, что Хайло Михалыч не отличался большим остроумием, а может, потому, что ему никак не удавалось схватить во мне главное, не сразу бросающееся в глаза; без главного клички не держатся, опадают, как с клена листья ясеня) мы резались до посинения, до рези в глазах, придумывая турниры, в которых побеждали поочередно. Турниры Серого Слона, Фиолетового Павлина, Оранжевого Жирафа, Зеленой Лягушки следовали один за другим... Мне никак не удавалось уговорить Чумку сыграть на призы Бурого Гиппопотама (Гиппо) или Дохлой Пегой Лошади. Он как-то болезненно принимал эти названия, игру моего искрящегося воображения, на свой счет.

Силы наши были примерно равны. Уже тогда я понял, что главное в игре – самолюбие (мастерство же – дело наживное, а талант – врожденное). Выигрывает тот, кто относится к игре серьезно, кто забывает или – в идеале! – не понимает, что

это всего лишь игра. Эта глупая, дурацкая черта в игре целилась больше всего. Выигрывал всегда тот, кто ставил игру выше жизни.

Я понял это – и охладел к шахматам. Они перестали задевать мое самолюбие, которого у меня было больше, чем требовалось для шахмат. Турнир Пятнистой ящерицы, игравшийся в пятницу, 13 июля, я сдал под ноль. Великий позор пал на мою голову. Сияющие торжеством карие глаза очумевшего Мишки и мое недетское хладнокровие (я прикинулся смертельно разочарованным) предвещали мне какую-то новую волнующую игру.

– Летят перелетные птицы. Пролетают, – кровожадно напевал себе под нос Хайлович.

Фамилия моя была Перелетов, и «Летят перелетные птицы», с точки зрения Чумки, было зубодробительной дразнилкой. Каждый из нас считал себя беспощадным победителем, а своего хилого, но верного, друга – побежденным. Я вырос из клеточных штанишек, которые Мишка-Кишка тонка сделал своим знаменем. Но улыбка, бродившая у меня в душе, так и не показалась на моих губах. Это было новым правилом какой-то новой, неведомой мне игры.

Позже меня увлек футбол – своей примитивностью и магически непостижимым гладиаторским очарованием. Футбол – это шахматы + солдатики. Я обратил внимание, что в большинстве игр, которым поклоняются миллиарды, задействованы мячики, шарики или иные летающие и прыгающие

предметы, которые, по правилам игры, необходимо отобрать у противника и затем выиграть у него очко, еще очко, еще, как можно больше очков. В итоге – победить, чтобы в конце концов умереть. Страсть, азарт, победа – и бессодержательность: вот основные игровые компоненты.

Игра стала подозрительно напоминать мне суррогат жизни, неуклюжий способ отгородиться от главных жизненных проблем – и одновременно саму суть, вещество жизни. Научиться играть в эту новую игру было очень и очень непросто. Что-то не видно было вокруг мудрых Магистров, спешащих разъяснить тебе тонкости правил Игры-Жизни. Да и сами правила нигде не были писаны. Не видно было ни зрителей, ни участников, хотя, как говорится, жизнь бурлила под напором и тех, и других. Зрители не понимали, что они и есть участники, а участники не догадывались, что сами же являются зрителями. А я...

Но не может же быть, что я, Главный, один играю в невидимую игру с целым миром! Тут даже мое большое самолюбие скромно потупливалось, прикидываясь здоровой амбицией, и корчило рожицы себе же. Мне было неловко перед самим собой. Я ничего не понимал. Но хотел понять все.

И я увлекся литературой. Добро и зло вновь стали компонентами игры, которые волновали и воспитывали мою душу. Божественная игра! С одной стороны, литература страшно похожа на жизнь, с другой – всячески дистанцируется от нее и подчеркивает свое превосходство. Играет. Спутаешь –

окажешься в дураках, не разглядишь глубинное сходство – опять же хохот за твоей спиной. И жаловаться некому, и никто не объяснит, и меньше всего те, кто что-либо понимает в литературе и жизни. Нет, я не читал; я принимал вызов, играючи брошенный кем-то неизвестно кому. Причем здесь я?

В игре не все возможно объяснить.

Потом я увлекся девушками, словно выпорхнувшими стайками со страниц книг на улицы моего города. Как говорится, пришла пора. Любовные игры показались мне самыми пленительными и сладкими из тех, что я знал.

Играючи я окончил университет по виртуальной специальности журналистика (профессия – быть свидетелем важных событий, ни в коем случае не участником: это непрофессионально), сделал карьеру никак не связанную со специальностью (добился стабильного положения, натренированно гася улыбку на губах и никому не открывая душу), женился, едва не развелся, вошел в пору зрелости...

Все, как у людей, только они жили, а я – то ли наделял игру качествами жизни, то ли узнавал в жизни гримасы игры, вспыхивавшие зарницами легкомыслия в самые ответственные моменты. Я жил подмигивая и готов был ловить мимолетные линии улыбок везде и всюду. Молнии казались мне кривой усмешкой дьявола, череп улыбался виновато и тактично, любезно лыбился крокодил, прятали улыбку утки, глумясь над теми, кто смеялся над ними; клоун смешил меня улыбкой молодой луны, а полумесяц паясничал, изнемогая

от распирающего его смеха над гармонией мира.

Кто же в этом мире смеялся последним? Кто?

Ха-ха-ха! Eмогі risu. Помирать от смеха.

Постепенно принцип игры распространился на все мои отношения и – джин был выпущен любопытным мальчиком из бутылки! – стал их сутью. К сорока годам все для меня стало игрой. Я играл в верность, играл в любовь, играл в счастье и несчастье. Жизнь для меня превратилась в сладостно-мучительную игру. При этом меня, закоренелого игрока, не покидало ощущение, что здесь что-то не так. Чем больше было игры, тем серьезнее оставался осадок.

Именно в это время я встретил женщину, которая любила ночь.

Omnes una manet nox. Всех ожидает одна и та же ночь.

Глава 2. Женщина, которая любила ночь

На вокзальной площади, с которого отправлялась моя электричка (мы с женой Электрой ехали на озеро и встречались в третьем, самом безопасном, вагоне), я увидел феноменальную женщину, отмеченную совершенными формами, что, по законам природы, позволяло ей свысока смотреть на мужчин и – исключение в природе! – выбирать. Сразу же бросалась в глаза некая божественная лепка, потрясающий гармонический замысел Творца, придававший облику Творения законченность образа. Темные средней длины волосы, идеально полная выпуклая грудь, умопомрачительных пропорций ноги, талия, подчеркнутая легким платьицем, лодыжки, плавно продленные в босоножки.

Недостаток был только один: она словно слетела с небес или с ленивой грацией сползла с обложки стильного журнала. Рококовая?

Право выбора, безоговорочно признаваемое за ней площадью (это было очевидно), заранее ставило мужчин в зависимое, несколько неловкое положение – в положение женщины, если уж быть до конца откровенным. Женщина смотрела перед собой, взглядом раздвигая толпу и расчищая пространство; и каждый чувствовал: она была абсолютно уве-

рена в том, что все остальные любят ее, провожают ее взглядами, простреливают площадь любопытными взорами из конца в конец. Ее совершенство и недоступность были гарантией того, что мужское внимание становилось отчасти бескорыстным. Совершенство, как ни странно, ограждало ее от людей, делало одинокой. Мне кажется, девушки даже не ревновали к ней своих скукожившихся спутников; напротив, активно обсуждали ее достоинства. Девушки рады были узреть женственность такого невероятного качества. Наличие подобной женщины в мире делало женщин вообще более загадочными и немного неземными. Женщина не просто шла, она мстила всем мужчинам на свете. Но не отметить ее своим вниманием уважающий себя мужчина просто не мог. Каждое движение бедра заставляло трепыхаться не только светлое платье, но и темное мужское начало, поселившееся в благородном сердце. Такая женщина незримо была связана со всеми мужчинами. Нельзя было не заметить подобный вызов, не поставив себя в неловкое положение. К барьеру, мсьё!

По площади вальяжно двигался символ, обремененный объемным чемоданом на колесиках. Казалось, главный смысл ее появления в публичном месте – развеять одну из самых загадочных и, соответственно, пустых фраз, выдуманных человечеством. Я имею в виду, разумеется, набор слов, за который мне всегда было неловко, а порой стыдно: «Красота должна спасти мир».

Слава Богу, за Красоту есть кому вступиться. Дадим слово Петронию. Говори, Гай Арбитр. «*Raras fecit mixtures cum sapientia forma*». «Красота редко сочетается с мудростью».

Спасибо, Гай. Это то, что надо.

Именно в древнеримском ключе все и происходило: красота излучала деструктив, губительная миссия дивы не вызвала никаких сомнений. Все восхищенно сторонились. Колесики бойко бренчали. Впрочем, шансы привлечь ее внимание, повторю, были призрачны, а записываться в толпы ее робких поклонников не входило в мои скромные планы. К тому же сердце мое было занято, и отнюдь не женой, а Машей. И отчасти Еленой.

Но у кого-то были свои планы насчет меня и своенравной дивы. Геометрия площади причудливо исказилась, и я нос к носу столкнулся с незнакомкой, от одного взгляда на которую в груди приятно разливался неприятный холодок. Я даже не сообразил, что уверенно подхожу к ней, пока она не подняла на меня свои карие глаза, в которых – клянусь непорочностью девы Марии! – мелькнула тень беспомощности.

Стиль знакомства с такой дамой предполагал, вероятно, груды блестящих комплиментов на блюдечке с голубой каемочкой, во всяком случае, нечто противоположное тому, что изрек я слегка хамским тоном, в котором, однако же, без труда угадывалась изрядная толика почтительности. Такой гремучей смесью я побаловал миледи:

– Вот за что я себя порой презираю: за то, что не могу

побороть в себе слабость быть джентльменом. Позвольте вам помочь.

– А вы нахал, любезный мужчина.

– Что же мне еще остается? Я постараюсь привлечь вас темной стороной мужской натуры. Ангелов вокруг вас, я полагаю, вьется предостаточно. Мужчина-ангел – это пошло. Хотя дьявол, если разобраться, еще пошлее... Этаким черным злодей. Ночной хищник.

– Я люблю ночь... И я верю в ночь. Светлый день кажется мне ложью. И еще я презираю сказки. Я бы отрезала все эти счастливые концовки у всех романов и бросила их в костер.

– Чтобы ночью не было страшно? Светом костра разогнать тьму?

– Чтобы немного погреться. Лиса всегда съест свой колобок. Не так ли? – мурлыкнула она. – От помощи не откажусь.

Леди направлялась в сторону, противоположную моей, и чемодан ее действительно был тяжелым. Простая вежливость оказалась вполне к месту.

Теперь на нас смотрели иначе: наличие, в общем-то, заурядного спутника рядом с Мисс Вселенная делало последнюю в принципе доступной и земной. Мужчины воодушевились и стали более откровенно лапать ее глазами, а девушки начали смотреть на нее как на соперницу.

Миг прощания настал быстро и неотвратимо. Она протянула мне свою визитку, сопроводив ее одним словом:

– Поиграем?

– Как вас зовут? – справился я, не выпуская инициативу из своих рук (а к этому постоянно приходилось прикладывать усилия).

– Каролина, – был ответ.

Вопреки ожиданиям, никакой жеманности или неумеренного кокетства. Наша сила в естественности и простоте, Каро?

– Поиграем, Каролина. Можно, я буду называть вас Каро?

В ответ неопределенное шевеление ресницами. Вкрадчивый шепоток мимики и жестов. «Да» и «нет» не говорить, черное с белым не носить... Все это было бы забавно, если бы не было так утомительно. Играть в сорок лет – все равно что в двадцать философствовать. Несколько смешно. Смешнее, пожалуй, только не играть (что, между прочим, означает играть в серьезность, запрещая себе думать об этом).

С моей точки зрения, Каро была идеальной кандидатурой на вакансию «Мисс Спасительница нашего Паршивого Мира». Уж эта красавица спасла бы так, что никому бы мало не показалось. Аккуратная горсточка пепла рядом с переполненной праховой урной: вот ее каллиграфический почерк.

Fors dicta refutet! Да не сбудутся эти слова!

Глава 3. На берегу земли обетованной

Собственно, Каро нам сейчас не нужна. Она еще не скоро начнет играть роковую роль в моей судьбе (что я предвидел, но не в силах был предотвратить). Однако тут важно отметить момент ее появления в моей жизни, ибо вслед за этим, буквально несколько часов спустя, развернутся события, от которых дух захватывает. И вначале я никак не связывал эти события с женщиной, которая обожала ночь. Долгое время я не видел никакой связи. Но постепенно, сопоставляя события и даты, я пришел к иному выводу.

Договоримся сразу: событий в моей жизни было предостаточно, с избытком на три жизни, но они не связаны причинно-следственной связью, как это принято у женщин. Одно вытекает из другого и порождает третье... Бусинка к бусинке – и вот вам жалкие четки иллюзий, бусы, собранные из обработанных воображением событий, которые (бусы событий) носят на утомленной временем морщинистой шее, как украшение, орден или знак избранничества. Я горжусь своей жизнью!

Этого вы от меня не дождетесь.

Так что нет никакой необходимости рассказывать по порядку. С другой стороны, связь между событиями все же су-

шествует (не всегда видимая тогда, когда происходят сами события), и в жизни присутствует своеобразный порядок. Сейчас, например, я легко могу предсказывать события, которые еще не случились. Но они обязательно случатся: все бывшее неизбежно порождает еще не бывшее. Как говорится, к тому все и идет. Все события связаны со всеми, а не одно с другим. Не бусы, а бусы бус, сплетающиеся в гигантскую спираль, начало и конец которой смыкаются в незримой темени...

Получается украшение для Вселенной. Так-то.

Я буду выстраивать мою прошедшую жизнь в нужном мне порядке. Это единственное, чем я мог бы гордиться. Мог бы. Но мне лень и как-то все равно. Помните? «Проникнутый тщеславием, он обладал еще той особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках...» и т. д. Лень цитировать. Хотя помню наизусть.

Итак, обо всем по порядку. Обожаю порядок: с него-то (с правил!) и начинается всякая игра, а продолжается как желание нарушить порядок. Порядок – душа игры.

Мы с женой, повторю, ехали на озеро. Зачем?

Нам захотелось общения с природой. Друг от друга мы устали (но об этом, по правилам супружеской игры, вслух говорить не принято), отношения у нас были сложные, странные, запутанные (хотя в чем именно заключалась их странность, сразу и не скажешь; это тоже странно, если разобрать-

ся). Природа нам бы не повредила. Это тоже правило нашей цивилизации: когда люди устают друг от друга, их «тянет» на природу. Хотя меня лично не покидало ощущение, что, общаясь с женой, я вдоволь общался именно с природой. Наверное, природа – это был третий субъект, развлекавший нас обоих.

Почему мы выбрали озеро?

Видите ли, из всех стихий, к коим, по моему разумению, относятся вода, лес, горы, пустыня и Северный полюс, я предпочитаю воду. Ведь жизнь зародилась из воды, верно? Во всяком случае, я ощущаю животворность воды. Почему? А это уже вопрос не ко мне, а к моей природе. Насколько мне известно, процентов на девяносто мы состоим из воды. Может, подобное тянется к подобному? Не знаю. Не все во мне подвластно моей разумной воле. Кое-что меня самого постоянно изумляет.

Из известных нам в округе озер мы выбрали Птичь. Это тоже легко объяснить. Озеро Птичь мы выбрали из-за его относительной близости от Минска, главного места действия в нашем романе, и относительной же недоступности для сограждан, не обремененных личным транспортом. От электрички – топать и топать (а нам и хотелось именно потопать по земле), машины есть не у всех желающих в жаркий день окунуться в прохладное озеро, чтобы тут же немедленно испить огненной воды. Далее – опять в озеро. И так до одури. Вопросы «зачем» или «почему», боюсь, здесь неуместны. По

их представлениям, по представлениям скоплений людей, усеивающих берег озера, как мухи поверхность неубранного стола у неряшливой хозяйки, это и называется славно провести время (то есть, между нами, часть своей драгоценной жизни) или, как выражаются сии опарыши, «оторваться». «Где вы были?» «На озере». «Что делали?» «Отрывались...» От чего оторваться? От цепей условностей и приличий, вырваться из круга культурных норм и предписаний, раствориться в природе, забыть о необходимости быть человеком (хотя, опять же, между нами, об этом вспоминают крайне редко и неохотно). Такой отдых – это именно расчеловечивание. Человека, существо, зависшее между натурой и культурой, «тянет» на природу, заносит в сторону натуры.

Погруженный в проблемы взаимоотношений с женой, я как-то подзабыл о том, что меня ожидает печальное зрелище, после которого я несколько дней буду приходить в себя и на месяц забуду о Птичи, об озерах, птицах и людях. А через месяц, не исключено, меня опять «потянет» куда-нибудь на берег. На те же грабли. На круги своя. Куда девается весь предыдущий душевный опыт? Впечатления стираются и тускнеют. Загадка мужчины. Кстати, жена моя, Электра Гермогеновна, дочь профессора классических языков и литератур, помнит все впечатления и ощущения, она просто напичкана ими; другое дело, что опарыши не раздражают ее так, как меня, и это обстоятельство еще больше раздражает меня и усложняет наши витиеватые отношения. Моя одиоз-

ная нетерпимость к человеку толпы втихомолку вменяется мне в вину, «доказывает» мою неадекватность («В чем виноваты простые, нормальные люди, живущие в эпоху демократии? Может, проблема не в них? *Racet cum hominibus bellum cum vitis habe.* Живи в мире с людьми, веди войну с их пороками») и делает мою супругу страдающей стороной в наших странных отношениях. Странность, ежу понятно, целиком и полностью моих рук дело. В общем, с виноватым мы уже давно определились. И я, кстати, не возражаю. Более того, я чувствую свою вину.

Ну, чем, скажите на милость, не угодили мне опарыши? Их неспешная, муравьиноподобная возня – пардон, сорри, спешу поправиться, – жизнедеятельность, черт ее подери, сама по себе становится конкретной психологической нагрузкой для меня. Они плохи уже тем, что есть? Это, знаете, сомнительная логика. Чтобы не сказать больше. Гм-гм. Согласен. Да я и не оправдываюсь. Но учтите: одно дело чувствовать свою вину, и совсем другое – признавать себя виноватым. Я не виноват. Это я и пытаюсь объяснить (*nota bene*: никому ничего не доказывая, тем самым, признаюсь, совершая огромную, принципиальную ошибку). Надеюсь, высокий суд снизойдет до того, чтобы принять мои объяснения к сведению. Слушайте, судьи в разглаженных мантиях.

Антропологический пейзаж – это мой ужас и кошмар. Ведь что скрывается за бесстрастной констатацией «психологическая нагрузка»?

У меня падает настроение, солнце, воздух и вода, наши лучшие друзья (ах, Артек, красные галстуки, профиль Ильича на плакате, линейки, речевки, массовки и игра Зарница: привет тебе, босоногое детство!), превращаются в пекло, вонь и лужу. Они, это племя опарышей из семейства человекообразных, пожирают меня – только тем, что они присутствуют рядом. Они украли у меня мир – и я же еще и виноват? Чем же, спрашивается? Тем, что я не один из них? Гуманно ли это? Получается, что единственное мое спасение в том, чтобы отказаться от себя. Я протестую и прошу суд учесть это обстоятельство.

Нет, я предлагаю сыграть в другую игру. Какую? А вы читайте, читайте и поменьше задавайте вопросов. Любопытной Варваре, знаете ли, нос оторвали. Фольклор-с. Древнейшее дело-с. Хе-хе-с.

Итак, мы с Электрой достигли заветного берега. Все так же, как и в прошлом, и в позапрошлом, и в позапозапрошлом году начала XXI века нашей эры: переливчатые трели соловья, казалось, копировали неприхотливые коленца противоугонной сигнализации, которой оснащена была каждая машина состоятельного опарыша; усердно кричающий жабий хор забивал орущие из тех же машин магнитолы. Перекричать природу – это святое. Настроение мое пошло резко вниз.

Для меня тест на человечность – насколько далеко тебя тянет дистанцироваться от людей. Чем дальше – тем человек-

нее. Может, я просто скрытый мизантроп? Может, это просто болезнь?

Может быть. Только болезнь моя называется иначе: утрата иллюзий. Исчезновение иллюзий, этого духовного витамина, приводит к колоссальным психологическим перегрузкам. Неправильный духовный обмен веществ. Требуется вера во что-то...

А ее нет. Если нет веры – ты перестаешь быть человеком. Человек – это двуногое животное, без перьев, хвоста, и даже без царя в голове – но обязательно с верой в душе. Жить без веры – сверхчеловеческая претензия. Вот откуда мои психологические перегрузки...

– Мишка, ну, как там вода? Холодная? – орало пышнобрюхое клещеподобное, отдаленно напоминающее кроманьонца, находящееся в двух шагах от краснорожего Мишки. Мишка сделал вдумчивую паузу и от живота идущим голосом ухнул:

– Холодная!

– Папа, папа! – надрывалась в это время симпатичная малышка, измазанная грязью до ушей. Стоило ей улыбнуться, как ее смазливая мордашка становилась похожей на хорька, которого не пустили в курятник. Или на добрую старушку, желающую всем зла. Улыбка явно не красила детеныша. Странно. – Смотри, какие облака!

– Ну, и какие?

Папаша был несколько обескуражен. Услышать из уст

младенца такое...

– Белые, папа.

– Да, – быстро согласился папаша, совсем, кстати, не похожий на хоря. – А трава зеленая.

Я порой сомневаюсь в возможностях этой легкомысленной науки, генетики. Впрочем, дочь-то вполне могла быть и не его. Вполне. Каждый десятый ребенок – не от законного «папа», а от проезжего молодца. В этом тоже есть что-то научное. Не в социологическом, а в биологическом смысле.

– А небо синее. Зойка, надень панаму.

А это уже педагогично встряла молодая, но слегка обрюзгшая мамаша. Ну-ка, ну-ка, дайте-ка нам взглянуть на мамашу. Моя версия с хориным следом вновь оказалась под сомнением. Возраст этой лебедушки я определил как переходный: от детства к старости. *Varium et mutabile semper femina*. Женщина всегда изменчива и непостоянна. Точнее, постоянно в женщине одно: ее готовность к переходности.

– Молодой человек, – обратился ко мне явно не старше меня тип, дети которого играли с упитанным породистым чао-чао, то есть мучили ленивого пса, получая при этом большое удовольствие. Детский животный эгоизм явно перевешивал собачий. С другой стороны, детки были при деле, и пес не скучал. Скучал папа, заросшим медвежьим лицом и низким лбом напоминавший неповоротливого чао-чао. Как говорится, каков пес – таков и хозяин. Но генетика здесь, опять же, не при чем.

– А какой смысл не пить? – спросил он, как будто продолжая беседу и обращаясь то ли ко мне, то ли к белым облакам. Очевидно мое поведение (рядом со мной не видно было початой бутылки, а это, по логике местных нравов, было уликой) он воспринял как вызов. И тут же, не откладывая в долгий ящик, решил меня победить.

– Вот один мой приятель не пил. Он даже не ел толком: все кашки да салатики. Бегал каждый день, ледяной водой обливался и следил за зубами. Мысль усекаешь?

– Нет, – отозвался я, отвлекаясь на сулящее интригу зрелище: мокрый мохнатый Чао энергично стряхивал с себя воду, обрызгивая при этом стройную соседку к ее великому неудовольствию. Хозяин пса – ноль внимания. Я очень надеялся, что соседка вспомнит о правах человека и невежливо напомнит о них моему визави. Тогда он от меня отстанет.

– Сейчас поймешь. Однажды он почистил зубы и побежал. Добежал до перекрестка и решил перейти улицу. На зеленый свет, на пешеходном переходе. Прямо по «зебре», понимаешь, строго по линеечкам.левой – правой, левой – правой. Ать-два. Как ты думаешь, что произошло? Ти-ил! – вдруг заорал мой собеседник, прерываясь на самом интересном месте и обращаясь, судя по всему, к собаке. – Паршивец Тил!

Очевидно, хозяин сделал упреждающий ход – изобразил вежливость, ибо пес продолжал тупо терроризировать соседку.

– Его сбила машина? – спросил я, надеясь, что продолже-

ние будет пооригинальнее.

– Угадал! – оскалил нездоровые зубы счастливый папаша, у которого было все, что надо для жизни: солнце, воздух, вода, дети, собака и покладистый собеседник. – Его сбила машина. Всмятку. Усек? Не надо себе ни в чем отказывать. Ха-ха!

И он поднял вверх указательный палец, тщательно выводя мораль.

– Водитель, конечно же, был пьян? – спросил я строгим голосом.

– Не знаю, – честно опешил моралист. – Ти-ил!

Правила хорошего тона обязывали меня поддержать позицию рассказчика, так сказать, выразить человеческую солидарность. Или, на худой конец, искренне возразить и привести иной пример, что тоже можно было рассматривать как форму уважения. Завязалась бы оживленная беседа. В жизни появился бы интерес. Я знал, что доставил бы большое удовольствие хозяину Тила, если бы рассказал ему историю, повествующую о том, как один мужик и пил, и курил, и не бегал (разве что за бабами, ха-а!), и улицу пьяный переползал на четвереньках каждый день на красный свет – и при всем при том благополучно дожил до девяноста трех лет. И еще бы жил, но на беду почистил зубы – и сразу умер.

Тут целых две интриги: во-первых, жизнь представлялась большой тайной и загадкой, что всегда приятно снимает ответственность с человека; а во-вторых, если случайный со-

беседник разделяет твою позицию, если чужой жизненный опыт подтверждает твой (одна голова хорошо, а две лучше), пить можно было почти на законном основании. Теперь уже с другом. В два горла. Вот они, маленькие секреты жизни.

Но я не рассказал ему этой, в общем-то, правдивой истории. Хватит с него и того, что я выслушал его пьяный бред.

В порыве божественно холодного отчаяния, смешанного с леденящим гневом, я, сузив глаза, поинтересовался у своего несостоявшегося друга:

– А зачем ты на свете живешь, папаша? Чтобы ни в чем не отказывать большому брюху? Только честно отвечать, честно! И в глаза мне смотреть, в глаза!

Тот по-собачьи уставился на меня, не зная, как реагировать. (Тут мне совсем некстати вспомнилась другая собачья история, история собаки Павлова, к которой я вернусь в другом месте моего нескладного повествования. Я развеселил сам себя и улыбнулся.)

Было очевидно, что с подобной ситуацией он столкнулся в первый раз: нормальный, вроде, человек ведет себя как псих.

– Ладно, расслабься, – вернулся я к общепринятым правилам игры. – Вода холодная?

– А как же? К тому же мокрая. Ха-а!

«Последнее слово, интонацию, междометие, жест или даже выражение глаз уважающий себя человек должен оставить за собой: от этого возникает иллюзия победы. Последним нанес удар – победил. А хороший, достойный человек

– это тот, кто побеждает», – автоматически и бесстрастно отметил я краешком сознания и, не ответив на жизнелюбивый выпад брюхатого, полез в воду, корчась от холода и от его ехидного взгляда. Уже погружаясь в воду, я подумал: «В чем-то очень главным идеалом человечества является базарная баба, не дающая спуску самому черту. Последнее слово – всегда за ней. В сущности, по ее образу и подобию лепятся все герои. Пришел, увидел, победил... Почто приперся? Пошел вон! Чего пялишься, супостат окаянный! Я те глазелки-то повыколю! Или в морду хошь?»

И я улыбнулся, прежде чем скрыться под водой. Последнее слово осталось за мной.

Выйдя на берег, я тряхнул остатками шевелюры, подражая густопсовому Тилу. В подобных ситуациях, когда реальность давит на меня тяжким бременем, я придумываю себе игру, с помощью которой заслоняюсь от реальности. Жить становится легче, жить становится веселее. Внимательно смотрим по сторонам. Вот уже знакомый нам черный чао-чао, заросший шерстью, будто як, по кличке Тил. Дети называли его Наутилус, сокращено – Тил. Юмор, недоступный детям, заключался в том, что Наутилус жутко боялся воды и напрочь отказывался лезть в нее, а когда его насильно затаскивали метров на десять от берега, Тил обреченно греб к земле обетованной, выбирался на травку и победно вываливал свой лиловый язык, экзотического бледно-фиолетового оттенка, напоминавшего то ли шляпку изысканной поган-

ки, то ли прикушенный язык утопленника. Славный был пес.

Так искусство, которое есть подражание природе, помогло мне отгородиться от жизни. Я раскрашивал мир разными оттенками цветов. Я называл вещи понятными мне именами.

Зрение и слух после первого заплыва (я заплываю далеко, подальше от орущей толпы) обострялись, обоняние тоже. Мышцы подбирались, и тело с удовольствием слушалось меня. Я вращался в природу. Цвета становились ярче, сочнее и разнообразнее. Цвет неба своими ускользящими от определения оттенками превращался в сладкую муку. Он бросал вызов – дразнил меня и посмеивался. Я сплетал словесные сети, чтобы поймать неуловимое. Синий? Голубой? Это только в романы годится. Голубой пласт, подсвеченный синевой, – нет, живой, мерцающий синью, проваливающейся в темную глубину, которая, возможно, упирается в голубой фон с обратной стороны неба... Многомерность спектра, пытка для глаза. И все это сразу, одномоментно ощутимо в небе. А по краям оно почти серое. «Голубое»...

Это значит «ошибаться на целое небо». *Toto coelo errare.*

Белые облака? Вот эти ослепительные снежные клубы, кажется, поскрипывающие от соприкосновения, словно упругие шары, эти сгустки энергичной радости, выросшие в нежную синеву и мягкой рыхловатостью отдающие чем-то несомненно детским, – вот это непередаваемое нечто, эта поэтическая материя, высекающая слезу, просто бедный белый цвет? Бе-бе?

Вы шутите! Снимите пластиковые очки! А где же гамма противоречивых впечатлений? Художник – это ведь не тот, кто называет вещи своими именами, и даже не тот, кто дает хорошо знакомым вещам другие имена; художник видит вещи одновременно с разных сторон. Это и есть божественно устроенное зрение. Думаете, подражать природе – это пара пустячков? Просто белый цвет. Просто любовь. Просто ревность, просто ненависть... В таком случае, господа, назовем вещи своими именами: художники остались без работы. Их просят не волноваться. На зеленой траве под голубым небом, по которому бежали белые облака, лежали влюбленные. И просто целовались. Ха-ха.

Хотя с другой стороны, именно так все и есть.

Не хотел бы я быть писателем. Это нечеловеческое чувство меры.

– Какого цвета небо? – спросил я у Электры.

Она удивлено посмотрела на меня и с вызовом ответила:

– Голубое. Разве нет?

– Конечно, голубое. По-твоему, я ненормальный?

Что ж, если к моей правоте добавить чуточку ее, получится нечто с более ярко выраженным вкусом истины.

Ingenium stupidum. Тупица.

Глава 4. Ваше Сиятельство

Вдоволь накупавшись, мы с женой потопали прямо через поле, где нас застал июньский грозовой дождь. Невозможно было отделаться от ощущения игровой природы, вроде бы, грозного явления. Одну сторону неба настолько плотно заштриховало дождем, что она из светло-серой превратилась в темную; другая же сторона сияла слегка затонированными просветами. Над нами было два неба. Но скоро две половинки затянуло роскошно серым драпом, который хамелеонисто менял цвет. Представление началось.

Раздался крепкий ядреный хруст первых раскатов грома. Палевая муть небес оскалилась клинками молний, и вновь добродушно, но со скрытой угрозой, зарычал гром. Молнии исчезли.

Дождь, главный солист на этом празднике жизни, прихотливо меняя темп и ритм, веселил, а не вселял тревогу. Он словно танцевал, время от времени предоставляя себе заслуженную передышку. И за ним хотелось наблюдать и аплодировать его коленцам. То припустит, часто перебирая толстыми каплями (у зрителя захватывает дух!), то перейдет на мелкую чечетку, давая понять, что праздник продолжается, участников просят не расходиться.

Когда небо слегка побледнело от усталости, оттуда, словно из прохудившихся мехов, вновь яркими жемчужными

подвесками стали высыпаться гроздья молний. Одна, вторая, третья, еще и еще. Потом ломаные линии молний стали напоминать мелькающую ослепительную улыбку, по которой легко было восстановить череп сиятельного монстра, этакого брезгливого старца, скрывавшегося в тучах. Потом опять волной ливня обрушилась джига дождя.

– Сияйте, сияйте, Ваше Сиятельство! – радостно крикнула жена и расхохоталась в ответ грому небесному. Наверно, ей также почудился сиятельный старец. Неудивительно: мы с женой прожили двадцать лет, нам часто грезилось одно и то же. – Смотри, вот он, Громовержец!

Вдруг из-под дождевой завесы коротким предательским выпадом, сопровождавшимся веселым рычанием (все это выглядело несколько театрально), выскользнуло тонкое лезвие молнии. И этот стальной стилет уверенно угодил как раз в жену. Это я сейчас восстанавливаю события, тогда же я ничего не успел понять. Стиллет – это последнее, что я увидел; последнее, что я услышал, был негромкий хлопок бутафорского ружья (театр, театр!). Я упал и потерял сознание. Потом сознание ко мне вернулось, но я утратил зрение, слух, обоняние, способность ощущать, чувствовать. Нет, кое-что, пожалуй, я все же ощущал: я бесстрастно представлял себя персонажем морга.

Постепенно, трудно сказать, в какой последовательности, ко мне стали возвращаться мои законные пять чувств и усиливалось прорезавшееся шестое. Когда дело дошло до того,

что я открыл глаза, борясь со звоном в ушах, я увидел, что надо мной хлопочет хозяин Тила. Я вздрогнул: он показался мне владыкой Айдом, хозяином трехглавого пса Цербера. В его ошалевших зрачках отражались наши с женой белые лица. Да, да, лица и тела наши были белыми, словно вымазанными отблесками молний. Мои руки и ноги были холодными, у жены, как я понял из возгласов людей, тоже. Нас положили на мокрую землю, не приятно охлаждающую, а забирающую остатки тепла. Потом нас присыпали землей, прикопали, чтобы из нас ушел электрический заряд. Потом вызвали скорую. Течение времени я не ощущал. Быстро все делалось или медленно – решительно не могу вспомнить. Время остановилось.

– Откапывайте! – хмуро сказал врач, блестя очками в золоченой оправе. – Его надо в теплое, согреть. Ох, уж эти нетрадиционные народные методы... Вы же его чуть не придушили, благодетели. Рано ему еще в землю. А ей уже все равно...

Я все понял. Но испытать трагедию сил уже не было. Мне тоже было все равно – но как-то тоскливо все равно. Я побывал в царстве теней, мрака и печалей. Кажется, видел тень ужасной горгоны Медузы. Так себе: копия театра теней кабуки.

Когда я чувствами и разумом закрепился на этом свете, когда я вернулся к жизни, мне все стало представляться в новом свете – в трепещущем свете затянувшихся магние-

вых всполохов, мертвенных и беспощадных. Окружающие меня предметы стали казаться мне декорацией, дневной свет – подсветкой, люди – массовой, а я – главным героем и зрительным залом одновременно. Вся трагикомедия разыгрывалась для меня.

Прошел месяц – ничего не изменилось. Зал, правда, стал реагировать на тонкую игру героя. Я ничего не мог поделать с этим дурацким ощущением. Именно тогда я окончательно понял: те, кто серьезно относятся к жизни, начинают играть; не играют только те, кто не понимает, что они играют. Последние играют исступленно и самозабвенно. До полной гибели всерьез.

И еще. Я не мог отделаться от ощущения, что и мы с женой заигрались. Переиграли. Где-то не соблюли баланс. Доказательств у меня пока не было, только, повторяю, ощущение. Но и оно изрядно отравляло жизнь. К моему постоянному, как бы отдельно от меня живущему чувству вины перед женой прибавилось еще одно отягощающее обстоятельство: вольно или невольно я оказался причастен к смерти Электры, оказавшись в ненужное время в ненужном месте. Я вместе с ней в неурочный час покинул берег озера (а ведь можно было задержаться еще хотя бы на полчаса, хотя бы на четверть часа! да что там – на минуту!), мы вместе смотрели на дождь, на небо, вместо того, чтобы бежать, вместе упали на мокрую землю. Я мог бы оказаться на ее месте, под ударом стилета, наконец.

Не знаю, кому адресовать претензию, но, право же, не стоило так нелепо и беспощадно отбирать у меня на глазах дорогую мне жизнь. Это был неудачный эксперимент, и вряд ли кому-то он прибавил лавров. Жена моя оказалась из сплава платины и титана, и она приняла на себя всю сокрушительную мощь удара, а я, мягкая податливая деревяшка, только обгорел. *Feriant summos fulgura montes?* Молнии ударяют в высокие горы?

Где тут мораль?

На губах ее застыла улыбка: именно такой я запомнил ее навсегда. За ней осталось последнее слово. Она не выглядела обугленной или изуродованной, она не была испуганной. Она была неживой. Молния отняла у нее жизнь. Где логика, где смысл? Если это был урок мне, то я совершенно его не усвоил.

Зря старались, Ваше Сиятельство. Гм-гм.

Через час после гибели моей жены Электры и моего благополучного возвращения с того света (Гермес, проводник душ умерших, тактично удалился, прихватив с собой лодчонку Харона) утомленное солнце, Гелиос как таковой, как ни в чем ни бывало, оповещал мир о смене настроений, разгоняя свою ослепительную колесницу по параболе в сторону Запада. *Post nubile – Phoebus*. После туч – Феб.

Разве можно воспринимать такой мир серьезно?

Глава 5. Елена

Сложность моих отношений с женой заключалась в том, что они были нормальными, в высшей степени нормальными, совершенно естественными, но при этом если не угнетали нас, то никак не приносили радости нам обоим.

Естественность, мне кажется, путают с гармонией и нормой. Считается: что естественно, то не безобразно, то не может быть источником дисгармонии. Говорят: «Это же так естественно!» (то есть нормально, то есть хорошо). Естественность рассматривают как гарантию или эквивалент нормы.

Но естественный ход вещей может привести и к трагическому повороту событий, и к безобразию, и к дисгармонии. Вроде бы, все в пределах нормы – и в результате наступает нормальная кончина, то есть происходит нечто, на первый взгляд, ненормальное. Вглядишься попристальнее – нормально все. В конце концов, что бы ни случилось в жизни человека – все естественно. «Как дела?» «Нормально». «А у тебя?» «Не очень... Раком заболел». Тоже нормально. Только одна естественность ведет к счастью, радости и благополучию, а другая – к несчастью. Есть разница, если разобраться.

Все это пустые рассуждения, а вот счастье – не пустой звук.

Я хочу сказать, что сложность, нет, трагизм моих отношений с Электрой возник не от неестественности, а именно от естественности наших отношений. Сначала мы были счастливы, а потом обнаружили, что уже не очень; настало время, когда, заглянув правде в глаза, мы честно и молча констатировали: мы несчастны. Естественность цикла не угнетала меня, напротив, мне было очень любопытно: счастливые люди могут развивать свои отношения только в сторону несчастья. А бывает ли иначе?

Мы оба были правы – но правы на разных этажах, что напроць исключало (для меня) поиски виноватого. Ее правота была убедительной в рамках ее отношения к миру (с чем я был полностью согласен), но одновременно ее женская правота служила (для меня) доказательством неразумности (с чем она была категорически не согласна), то есть неправоты, в конечном счете. Она была права по-своему, но не права в отношении истины. Такая трактовка бесила ее. Она не могла подняться до моей правоты, а я мог только унизиться до ее понимания: таков был рецепт нашей испепеляющей гармонии. Постепенно любое мое слово, замечание, любая привычка, не говоря уже о мыслях вслух, воспринимались как упрямое, зловредное чудачество. На мою смиренную просьбу позволить мне быть самим собой, она искренне возмущалась: «А кто тебе мешает?»

Мешала мне она, Электра, моя жена. Дело в том, что мое желание быть самим собой она воспринимала как попытки

огорчить ее, унизить или даже сжить со свету. Я понимал, что делает она это не со зла, но это не мешало мне временами впадать в ярость.

Я понимал Электру и понимал, что она поступает в рамках своей правоты; на ее языке это звучало так: «Я, твоя жена, хочу как можно лучше, я очень этого хочу! Я стараюсь для тебя, своего мужа. А ты? И говорить тебе об этом бесполезно. Я в отчаянии». Это было правдой, ее правдой. Но она не понимала меня и фактически не признавала за мной права быть собой. Мой ответ, который никогда не звучал открыто, но был зашифрован в поступки, жесты, интонации, паузы, манеру одеваться и раздеваться и т. п. был таким: «Ты хочешь как лучше, а получается хуже некуда. И ты не видишь этого. И говорить тебе об этом бесполезно. Остается только ждать, неизвестно чего, терпеть, неизвестно зачем и делать вид, что все нормально. Привет Харону. Точка».

Она, конечно, подозревала, что я думаю что-нибудь подобное. Но это только увеличивало ее отчаяние. В ее глазах я был мутантом, случайным итогом фатального стечения обстоятельств. Ведь другие мужчины совсем не такие. Живут же люди. Следовательно, дело не в том, что я мужчина, и все мужчины такие, а в том, что я, именно я такой странный. Сначала она ждала, что я исправлюсь, прозрею (а я знал, что она ждет невозможного, и в свою очередь ждал, что она перестанет ждать и примет все с улыбкой, о большем не мечтал), потом перестала ждать и стала просто несчастной ба-

бой, неизвестно зачем влачащей свой крест, о котором никто даже не подозревает. Для нее жизнь обрела параметры какого-то изуверского зиндана, в котором надо было влечь бессмысленное заточение; для меня немногим лучше. Мы с ней попали в полный экзистенциальный тупик. Все неотвратимо катилось к серой безнадее. Было ясно, что впереди – смерть, больше ничего.

Ну, что ж, мы прошли с ней положенный цикл, и когда-то были счастливы. Наверное, отношения наши исчерпали свой потенциал. Так я объяснял себе то, что происходило между нами.

Почему же мы не развелись?

Электре не позволяли ее принципы порядочной женщины (которые я считал дремучей глупостью, естественно). А мне...

Видите ли, простенькие студенческие объяснения вроде «мы не сошлись характерами» уже давно не устраивали меня. Я догадывался, что дело гораздо глубже. Мне казалось, что наши отношения являются моделью отношений мужчины и женщины вообще. Мне интересно было пройти все стадии распада, если уж таков порядок вещей. Ну, разведемся мы, ну, женюсь я на другой. Будет ведь то же самое. Я, мужчина, являлся носителем разумного, аналитического начала; она, женщина, жила душой и благими порывами. Мы оба будем правы, и в награду получим катастрофу. Между нами, представителями двух разных видов, была пропасть. И вот

на чем держался наш союз. Чего здесь больше: глупости, наивности, ума или фатального стечения обстоятельств, судите сами.

Конечно, в моей жизни должна была появиться другая женщина. Это было естественно и неизбежно.

И она появилась. Звали ее Елена.

Я был шокирован. Я никак не предполагал, что отношения мужчины и женщины могут пойти по другому сценарию. Я был далеко не новичок в прелестных забавах с женщинами, и флирт мне оскомно приелся как раз тем, что был игрой. Жена хоть не играла, и на том спасибо.

Да что там с женщинами! Игра, по моему глубокому и единственному убеждению, была универсальным принципом отношений между людьми. Ритуальная, игровая сторона человеческих отношений, которая заключалась в том, чтобы скрыть то, что скрыть невозможно, а именно: прагматический интерес, установку на пользу, выгоду – к тому времени уже изрядно портила мне жизнь, угнетала меня унылой и постылой пестротой, скрывавшей однообразие. Все мои игры объединяло одно: предсказуемый результат и, как следствие, скука. Мне хотелось каких-то иных отношений, каких-то необычных, не столь потребительских, что ли. Когда я называл их про себя «чистыми», мне становилось неловко перед собой; но отношений не затрагивающих «душу» (это слово тоже коробит мне душу), «нечистых», тронутых гнильцой прагматизма, мне уже не хотелось.

Иными словами, я думал, что жизнь уже ничем меня не удивит. К счастью, я ошибся. К сожалению, это случилось слишком поздно.

Мне уже было за сорок; а о роскоши человеческих отношений я только читал, да и то в юности. Встрепенувшаяся во мне ностальгия по чувствам подлинным, неигровым (если таковые имелись в природе; а если нет – откуда ностальгия?), ожившая в душе моей при обстоятельствах достаточно прискорбных, которых я уже коснулся, заставила меня нагородить немало глупостей.

Собственно, глупость, по моим тогдашним представлениям, я совершил уже в момент знакомства. Я никогда не позволял понравившейся мне женщине заглядывать мне в душу по причине элементарной: я и сам туда не стремился заглянуть слишком глубоко. Но тут я допустил то ли оплошность, то ли просчет, то ли...

В общем, я позволил себе небывалый градус искренности. По идее, это должно было быть смешно, ибо не вписывалось в правила игры. А уж быть смешным – последнее дело в жизни. Я подошел к девушке, явно ждущей кого-то, и сказал, нарываясь на тысячи отказов:

– Здравствуйте. Меня зовут Геракл. Я несчастен.

Как вам такое трогательное начало?

И я ведь не играл: меня действительно зовут Геракл (отголоски буйного воображения моего папаши, великого путешественника, геолога, обожавшего тайны тектоники; хоро-

шо не Фемистоклос, и на том спасибо), и я действительно был несчастлив. По существу, я сказал нечто другое. Очень подозреваю, что я произнес следующее: «Я чудак, странный я человек, с приветом, со мной серьезно иметь дело обременительно, я бы даже сказал, рискованно, и вы, конечно, это понимаете. У вас умные глаза. Для легкого флирта вы непригодны одна во всем городе. Поэтому быстренько разворачивайтесь и спешите к принцу, на губах которого бродит ироническая улыбка. У вас нет такого принца? Срочно его найдите. В общем, скажите, что вы заняты, и расстанемся приятелями».

Я был беспомощен в своей неуместной искренности. Сам виноват: не бросай на ветер слов, после которых уважающий себя человек обязан послать тебя куда подальше.

– А меня зовут Елена, и я могу поделиться своим счастьем, если вам интересно.

Чудо заключалось в том, что она поняла скрытый посыл моей дурацкой реплики. С моим именем у меня не было проблем при знакомстве с девушками. Стоило мне представиться, как интерес ко мне был гарантирован, во всяком случае, в первую минуту. О подвигах Геракла, по крайней мере, об одном из них, наиболее пикантном, девушки были наслышаны. А дальше – дело техники. Например, неизменно сильное впечатление производил паспорт с моей эффектной фотографией. Да мало ли еще что. Главное – у меня появлялся хороший, оригинальный повод заговорить и заинтриговать

свою собеседницу, и уж будьте спокойны, через минуту у нее уже загорались глаза.

Но Елена отреагировала не на мое имя, а на то, что Геракл несчастен.

– Валяйте, делитесь своим счастьем.

– Давайте, я покажу вам Ботанический сад? У меня там есть любимые уголки.

– Разве вас не удивляет, что меня зовут Геракл?

– Мне понравилось ваше имя. Оно красивое. Вы рождены для подвигов?

– Не уверен. А вам не кажется, что имя – это судьба?

– Не знаю. Я об этом как-то не думала.

– Вы знаете, как зовут мою жену? Электра. Когда она узнала мое имя, глаза ее загорелись, и нам обоим стало ясно, что мы встретились не просто так. Представляете, конец второго тысячелетия, Геракл выходит на улицу и встречает Электру...

– Забавно. Почему же вы несчастны?

– Забудьте об этом. Покажите мне ваши уголки, Елена.

– А ваша жена не будет ревновать?

Теперь уже мне показалось, что иметь с ней дело – если не рискованно, то небезопасно.

– Нет. Она меня не любит. Разлюбила.

Тут я, конечно, приврал. Но «несчастен» и «не любит» – это ведь уже полдела.

– А отчего вы так счастливы? Любовь?

– Нет. Пока нет. Просто мне девятнадцать лет. Я еще ничего не понимаю.

И она улыбнулась действительно счастливой улыбкой.

Это было не полдела. Дело было почти в шляпе.

– Показать вам мой паспорт?

– Зачем?

– Там написано, что я Геракл. *Ex pede Herculem*. По ноге узнают Геркулеса.

– Почему «по ноге»?

– По документу. По неопровержимому факту. «По ноге» – это шутка такая. Очень древняя.

Все девушки как одна спрашивают: «Почему по ноге?»

– Не надо. Уберите вашу «ногу». Я вам и так верю.

Но попалась не только она, что было вполне естественно, попался и я, что было полной неожиданностью для меня.

Что такое любовь?

Это когда все остальное, люди и события, становятся поводами, обогащающими отношения двоих. Весь мир начинает крутиться вокруг сумасшедшей пары, вокруг вас; точнее, вы и становитесь тем самым миром, задавая ему точку опоры где-то внутри вас. Вокруг вас – пустыня.

Такая полнота и свежесть чувств не только захлестывает, но истораживает: вся предыдущая жизнь убедила, что так не бывает. Становится страшно. Вы ждете постоянно, что вот-вот придут какие-то таинственные и уполномоченные стражи и отнимут у вас эту радость жизни, простую и

впечатляющую, реальную, как море, солнце, вкусная еда, молодость, наконец. Раз – и все осталось в прошлом. Понимание, что все когда-нибудь кончается, смутно омрачает мгновения счастья, и в то же время делает их полными и значительными. Да, страсть сорокалетних – это стихия. Впрочем, когда я влюбился в Электру (ей, кстати, тоже в ту пору минуло девятнадцать, а я был немногим старше), было то же самое. Девятнадцать. *Numero deus impare gaudet*. Богу нравится нечетное число.

Честно говоря, любовь весьма напоминает удар молнии. Та же внезапность, сила переживаний, ощущение скоротечности и невероятности происходящего. Ни с того ни с сего на вас сваливается бремя счастья, и это не так легко вынести. Я оказался не готов к счастью с Еленой, но я не собирался от него отказываться. Во имя чего? Принципы порядочности (в моем понимании) вполне допускали такой способ существования. Понимаете, одно дело изменить женщине, и совсем другое – устранить само понятие измены. Непонятно? Ладно, вернемся к этому позднее.

Стоп. Попробую подойти к этому с другой стороны. Люди живут на земле, а я на Земле, которая заблудилась в Космосе. У кого душа шире? У меня. Ибо моя среда обитания несравненно многомернее. И не им меня судить. Опять непонятно? Ладно. Будем следовать намеченному порядку. Рано или поздно все прояснится.

Так в мою жизнь вошла Елена, и вместе с ней отблесками

зарниц вторглось счастье. Душа ликовала и вопила. Я был рад, что решение моих проблем оказалось таким простым и действенным.

Однако диалектическая взвесь, распыленная в мире, стала оседать на полюсе противоположном, утяжеляя его и, так сказать, выравнивая положение. Кто-то, ответственный за равновесие и гармонию, стал активно вмешиваться в ситуацию, совершенно не интересуясь моим мнением. Вопрос «почему бы мне не развестись с женой», к сожалению для моей репутации, обрел второе дыхание и иное измерение. Не уйти к молодой и красивой – в этом, признаем, есть что-то неестественное, какое-то дешевое пижонство; это значило пойти против собственной природы (что никогда еще не кончалось добром). Я чувствовал себя если не трусом – то, как минимум, уклоняющимся от вызова. Уйти же, принять вызов, странным образом означало не пойти навстречу собственной природе с целью обрести себя, а пойти против дуряцкого принципа «не предавай», придающего смысл и понимание, и бессознательному отношению. Уйти – фактически означало предать не только Электру, но и себя.

Стоит оказаться в тупике, и вас охватывает лирическое настроение. О, моя светлая тюрьма, мои мягкие нары, моя аппетитная баланда! О, мысли, стражники мои, оловянные мои солдатики! О, мои чувства, мои порывы к свободе, придающие такому современному кабинету измерение тюрьмы! Будь проклята безжалостная реальность, а на мечты напле-

вать.

«Люди, считаете ли вы меня человеком?»: таков отныне был глас вопиющего. В пустыне. На месте которой вчера еще благоухал цветник.

Я не мог сказать о себе «не прав»; я мог сказать только «несчастлив». И в этом мне чудился игрушечный смысл.

Был во всей этой истории и еще один загадочный для меня самого момент: чем больше я разочаровывался в женщинах, тем больше я любил свою Елену.

Nomines caecos reddit cupiditas. Любовь делает людей слепыми. Вау!

Глава 6. Кабинет

Честно говоря, мне хочется рассказать о Елене, мне есть что вспомнить и, если уж на то пошло, мне кажется, наши отношения достойны того, чтобы о них поведать кому-либо еще. Таких отношений в жизни не очень много.

Но порядок, железной рукой правящий в этом романе, обязывает сначала пригласить дорогих гостей, читателей, в мою комнату, которую я громко именую Кабинетом. После посещения моего Кабинета, надеюсь, вы станете смотреть на мир несколько другими глазами. И рассказанное о Елене в нужное время в нужном месте воспримете в нужном мне ракурсе. Сейчас, боюсь, вы не готовы для восприятия любовной истории.

Я сказал «порядок обязывает посетить мой Кабинет»; я не сказал «вы обязаны посетить мой Кабинет». Лично вас посещение Кабинета, буде оно состоится по вашей доброй воле, ровным счетом ни к чему не обязывает. Я вас приглашаю, но это не значит, что я ищу в вас своего союзника, хватаю вас за руку и заглядываю в глаза. Вовсе нет. Это не мой стиль. Просто понять меня, минуя мой Кабинет, невозможно. Кабинет нараспашку – это своего рода честность. Я даю вам шанс. А дальше – ваш ход, уважаемый читатель.

Итак, насильно никого не тащу, хотя приглашаю всех. Но коль вы уж пришли ко мне в гости, вытрите ноги о коврик,

войдите в прихожую и снимите верхнюю одежду. Желаете осмотреться? Пожалуйста. Но здесь не на что особенно смотреть. Шкаф-купе, огромные бельгийские зеркала, – словом, все для того, чтобы раздеться, привести себя в порядок и подготовиться к осмотру квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.